

ПЕРСОНА

— Честно говоря, я думал, придет такой весь из себя: вальяжный, пижонистого вида, с сигарой в зубах. А тут — сигареты “Новость” с коричневым фильтром. С чего это вдруг?

— А уже лет восемь их курю, причем по три пачки в день. Не знаю, меня устраивает. Приходят друзья: кто с “Кэмелом”, кто с “Мальборо” — и носы ворочают. Говорю им: “Попробуй, разницы не почувствуешь”. Так скажу: я живу на то, что зарабатываю. И не могу сказать, что денег не считаю. А оказалось, что “Новость” — самые дешевые сигареты...

— **Рублей шесть стоят?**

— На рынке — да, шесть рублей. Когда увидел, сказал себе: а чего же я у себя на Кропоткинской их за 9 покупаю?.. А насчет того, что вы про меня подумали... Наташа Егорова, с которой мы сейчас играем антрепризу, вообще призналась мне, что, когда услышала фамилию Харитонов, сразу сказала: “Я не буду с ним работать”. Спрашиваю ее: “Почему? Ты думала, что я приду такой: нога на ногу, с сигаретой и буду тебе через губу роль ваять?” “Вообще, да”. — говорит. “Ну, поздравляю”. И почему обо мне складывается такое впечатление, понятия не имею.

— **Наверное, считали избалованным, изнеженным и самовлюбленным. Не просто же так в 80-е вас называли самым красивым советским актером.**

— Конечно, я понимаю, что не урод. Но это не главное в жизни. И тем более в этой профессии.

— **Чем же взяли: талантом, трудолюбием?**

— Нет, по большому счету нужен либо счастливый случай, либо деньги, как сейчас, либо блат. Деньги и блат у меня не было — помог случай. Я ведь уже на втором курсе думал переводиться с актерского на сценографический факультет. Почему? Просто я физматшколе окончил: наличные хорошо считаю, да и вообще просчитываю ситуацию. Сценарии тогда были востребованы, вот и засобирался уходить. А тут к нам на факультет пришел Машенко, начал просматривать студентов для своей будущей картины, мы сыграли для него спектакль... В общем, он выбрал меня. Спрашивает: “Вы читали “Овод”?” Я говорю: “Да-а, конечно, ну что вы!” А сам не то что не читал, даже не знал, о чем речь. Ну пришлось за ночь прочитать.

— **Машенко пробовал кого-то еще из известных актеров?**

— Пробовал, пробовал. Кого?! Не имею права — есть понятие профессиональной этики. Нет, я мог бы сейчас назвать десяток известных фамилий. И что? И кто я после этого? Либо скотина, либо просто полный кретин.

— **Вы как-то пафосно обронили, что актером стали благодаря Сергею Бондарчуку. Сейчас того же мнения?**

— Он дал возможность мне играть. Своим отношением. Если бы я увидел хоть тень сомнения в его глазах, просто не смог бы сниматься. Кто я был: недоучка, с третьего курса института, да еще из “тмугаракани”, из города Киева. И рядом две суперзвезды: Бондарчук и Вертинская. И никто мне не говорил: “ути-пути” — с меня спрашивали всерьез.

— **Знаете, а говорят, что такой громкий кинодебют у вас состоялся только благодаря тому, что, грубо говоря, Анастасия Вертинская глаз на вас положила.**

— Сказали бы вы это ей, отправились бы отсюда далеко и надолго. Причем она бы мгновенно указала адрес, да еще и подсказала, на каком транспорте туда добраться. Когда мы начали снимать, Анастасия Александровна еще и в помине не было. Сидел Машенко, рвал на себе волосы, перепробовал половину Советского Союза. Дальше-то снимать нельзя — Джекимы нет. Но когда Вертинская появилась, она, конечно, показала класс.

— **Но признайтесь, у вас был роман с Вертинской?**

— А-а... Это смотря что вы имеете в виду. Я Анастасию Александровну очень люблю и уважаю. На съемках она со мной общалась на равных. Оно, может быть, и выглядело для кого-то романом... Как, знаете, в анекдоте: “Скажите, пожалуйста, мы живем в президентском номере, а жена Рейгана здесь трахалась?” Нет, из серии “люблю — не могу” ничего такого между нами не было. Настя дала мне гораздо больше, чем многие женщины, — она научила меня говорить.

— **Как это?**

— Мы снимались уже около года, и вдруг она осторожно так спрашивает: “Андрюш, а ты сам собираешься озвучивать роль?” Я опешил: “То есть как?” — “У тебя говор украинский. С ним надо что-то делать”. — “Что делать?” — спрашиваю. “Ну, ты слушай меня, читай книги по фонетике и орфоэпии. Работай”. А Настя дает такой московский говор, что дальше некуда.

— **Старую версию “Овода” с Олегом Стриженовым перед съемками не смотрели?**

— Нет, уже потом увидел. И, кстати, правильно сделал. Тот фильм еще носил флер послевоенной романтики. А наш Риварес на пике эпохи застоя оказался затравленным, психически нездоровым человеком, да еще и с дидактично вполне определенным. Потому-то и стал близок широкой массам. Представляется, у человека было целых три психотравмы в детстве: он даже папу с богом попутал. А я в ту пору Фрейдом не на шутку увлекался и кое-что понял. То есть вся его революционная фишка — не иначе как то, что у Фрейда называется вульгарным словом “сублимация”. И не случайно нашего “Овода” последние несколько лет практически не показывают. Потому что понятие “национально-освободительное движение”, а проще говоря, терроризм, сейчас не в моде.

— **А вы считаете себя человеком устойчивой психики?**

— ...Вам сейчас врезать или по факсу прислать?

— **Имею в виду, что фильм собрал целую кучу призов. Сами вы получили Госпре-**

“Острижен по последней моде, как денди лондонский одет...” — это и про него. Пламенный революционер Риварес из “Овода”, обаятельный убийца Ланс из “Тайны черных дроздов”, человек-невидимка Гриффин из одноименного фильма, романтический капитан Грей из “Ассоль” — в 80-е Андрей Харитонов переиграл едва ли не всех красавчиков-иностранцев советского кино. “Появился, блеснул, исчез... И тайна”, — говорил об актерской судьбе Вертинский. И это тоже про него. Баловень судьбы, к двадцати годам получивший от этой жизни все, в начале 90-х он столь же стремительно канул в безвестность. И что же сегодня? Зеленый вязанный свитер, черная джинсовая жилетка, сумка через плечо. Да еще и сигареты “Новость” в комплекте с одноразовой китайской зажигалкой. Вот так денди лондонский.

С женой Ольгой.

— Сложилось. Нет, с этим-то как раз у меня все в порядке. Вот единственное, что могу сказать. Но я не ветреный. Если вступал в какие-то отношения, то это было всерьез и надолго. Но пусть все равно это останется со мной. Не для тех девушек, которые стали бабушками, а для тех девушек, которые и сейчас девушки. Я и сегодня, если прислонить меня к теплой стенке, еще очень даже ничего.

— **Вы сейчас женаты?**

— О, начинается! Да! Вы невнимательно читали прессу обо мне.

— **Нет, ну почему. Вашу жену зовут Оля.**

— Ну так что еще?!

— **Просто, когда мы с вами разговаривали по телефону, вы сказали, что фотографии находятся у жены. Из этого можно сделать вывод, что живете вы не вместе...**

— М-да... что-то я не учел. И ляпнул.

— **Ну а дети у вас есть? Здесь-то, по-моему, секретов быть не может — своими детьми все только гордятся.**

— Ну... скажем так, нет. Ну не повезло. Но это не значит, что я бесплоден — просто открытым ответом я могу кого-то травмиро-

Вертинская и Харитонов: служебный роман?

вать... А если на то есть слишком веские причины? Я не такой прожженный, как вы думаете. Я очень тонкий и ранимый, белый и пушистый. Про жену-то сам прокололся, ладно.

— **Андрей, в каком году вы переехали в Москву?**

— В 83-м. Была мысль работать в театре.

— **А в Киеве, что, нет театров? А как же Русская драма, театр Леси Украинки?..**

— Меня приглашали в театр Русской драмы, но предупредили, что придется закончить с кино. Собственно, я даже не сказал, что подумаю, — сразу: “До свидания”. Считаю, правильно сделал. Для меня кино было всегда важнее.

— **Почему тогда Малый театр? Это же не “Мосфильм”.**

— Потому что надо было овладеть профессией. Царев, когда меня брал, сразу спросил: “Деточка, зачем вам это нужно? Вы же кинозвезда”. Да, — сказала я, — но я еще к тому же хочу попробовать стать артистом”. Он посмотрел на меня и протянул: “Да-а, как интересно. Ну попробуйте”. А почему Малый? Понимаете, мне нужен был такой театр, чтобы не случилось, как в том анекдоте, когда мужик купил в секс-шопе резиновую женщину, а на следующий день звонит в магазин и говорит: “Слушайте, я надул, а в результате получился мужик, да еще с сигарой в зубах”. Так ему повсотовали вывернуть наизнанку — тогда, мол, все и произойдет. А мне не нужен такой театр, чтобы сначала надуть, потом вывернуть и только после понять, что это все означает.

— **Малый театр всегда славился своими интригами и трагедиями. Вас как молодого актера кто-то взял под свое крыло? Или вы были любимчиком самого Царева?**

— Да упаси господи. Он вообще наблюдал весь этот процесс как бы со стороны. Нет, актеры меня не воспринимали как конкурента. Говорили: “Харитонов? А, это из Киева”. Знаете же знаменитую сказку про то, как: “пока москвичи сидели и хлопали ушами...”. Они были уверены, что у меня “деньги совсем в другом банке”. Мол, Харитонова потянуло на сцену, он пришел, попробовал и, видимо, скоро уйдет. А к тому же я, как обычный студент, год проходил через массовки.

— **Это вы-то, привыкший в кино почти исключительно к главным ролям?**

— Существовал же закон... — **Но молодой закон не писан.**

— Вы знаете, с тех пор, как я был молодым, я не поумнел. Я уже тогда был умный.

— **А почему же тогда в 91-м ушли из театра на вольные хлеба?**

— По той же причине — потому что стало нерентабельно. В буквальном смысле. Играть в неделю несколько раз, бегать на репетиции, ездить на гастроли — и за сто долларов?! Вы знаете, это “на кошках тренируетесь”. Нет, я родился совсем не для того, чтобы умирать на сцене.

“ОВОД”

Андрей ХАРИТОНОВ:
“Я родился не для того, чтобы умирать на сцене”

ЕЩЕ НЕ ПОВОД

В начале 80-х Харитонова называли самым красивым актером советского кино.

— **А для чего, позвольте спросить?**

— Чтобы жить свою жизнь. А ее нужно прожить так, чтобы...

— **Не было мучительно больно?**

— Ну чтобы было приятно вспомнить. А когда над тобой сидит какое-то начальство, а ты пашешь как вол — чего же тут приятного? Поэтому с удовольствием согласился на антрепризу по пьесе Натальи Демчик “Заложники любви”, которую мы играем уже три года. Хотя до этого не выходил на сцену 8 лет.

— **Сколько раз в месяц играете?**

— В среднем — три. Относительно финансовой стороны, о чем вы спрашиваете, ни в одном театре таких денег не заработаешь. И играю значительно больше, чем играл бы в любом репертуарном театре. Да и компания подобралась то что надо: Наташа Егорова, Света Тома, Игорь Бочкин... Вот в чем фишка-то!

— **В одном интервью на вопрос о вашей антрепризе вы ответили: “Играю самого себя, несчастного человека”.**

— Да, потому что если человек говорит, что он счастливый, то он действительно дурак.

— **Андрей, вас еще узнают на улице?**

— Да, и пальцами показывают: “Смотри, Овод!” Фамилии уже не помнят — Овод. Некоторые вспоминают “Тайну черных дроздов”. Но это уже плавающее поколение, которое знает меня благодаря телевидению. Кто-то даже помнит “Звезду и смерть Хаокина Мурьеты”, несмотря на то, что это было “дети до 16”.

— **Можно и дальше вспоминать: Гриффин в “Человеке-невидимке”, Грей в “Ассоль”... Не рано жить воспоминаниями?**

— Нет, ну а чего вспоминать? Это было... Но прошло.

— **Что-то быстро прошло. В 20 лет вы звезда, а в 30 — фактически пенсионер.**

— Почему, я же в театре работал. Тоже, между прочим, играл главные, центральные роли. Потом снимал свой фильм “Жажда страсти”. Работал на телевидении, как режиссер-постановщик делал передачу о кино “Фабрика грёз”, которая выходила перед программой “Время”. Потом еще было написано три сценария. Сейчас играю в антрепризе. Но все это очень скудно рассказывать — обычная, нормальная жизнь.

— **Вот именно что обычная. Куда-то подевались и главные роли, и слава, и известность. Почему? Что изменилось?**

— Ничего не изменилось. Просто надо, как говорится, и честь знать. Десять лет, по-моему, вполне достаточно. Если при этом: я не умер, я не в клинике лежу, я функционирую, да еще могу получать от жизни удовольствие. По правде говоря, есть у меня один большой недостаток — я абсолютно не честолюбив. Потому что будь я честолюбивым, то в плане увековечения собственного “я” добился бы значительно большего. Но мне это не нужно. У меня не было цели стать “самой звукозаписываемой певицей со времени создания звукозаписи”. Я могу себе позволить то, что хочу? Да. Мне хватает общения? Во как хватает — покруче, чем у многих известных артистов. Этот задел я сделал себе сам, без посторонней помощи. И это до сих пор позволяет мне жить Андреем Харитоновым.

— **Который сейчас, как принято говорить, не в обойме?**

— В какой обойме? В которой Машков, Мионов, Маковецкий? Так вы поймите: я уже свое отработал к тому моменту, когда они только начинали. Если говорить грубо, я откусил свой кусок. Большой кусок. И слава богу, что я им не подавился, если вы заметили.

— **А как у вас дело с этим? Ну вы понимаете...**

— Относительно выпивки, что ли? Некоторое время назад я с этим закончил. Просто потому что выработался ресурс — возраст уже не тот.

— **Стало мешать?**

— Конечно, стало мешать — сил тех уж нет. Мне 45 лет — то есть когда я должен умереть? Через 11 лет. По статистике. Так я хочу пожить еще, может быть, еще чего-то сыграть.

— **То есть теперь вообще ни капли?**

— Вообще. Уж полгода. А до того мог выпить очень много. Нет, съемок и репетиций в театре я не срывал. Но как бы вовремя сообразил, что скоро начнет мешать. Вот сегодня, например, погода плохая. Представляю, как бы сейчас я себя чувствовал, если бы вчера выпил хотя бы стакан. Пожалуй, я позвонил бы вам и сказал: “Знаете, сегодня не получится, у меня какое-то ощущение дискомфорта”. А я сегодня чувствую себя прекрасно. Как будто за эти полгода помолодел лет на 10. Эй-богу.

— **Сегодня, как известно, сериальный бум. Режиссеры не приглашают?**

— Вообще, за деньги — все что угодно. И я это сделал качественно. Я честно снялся в трех сериалах. Везде, конечно, играю подонков, везде меня убивают. Но если по большому счету... Вы знаете, я пришел к выводу, что сам факт искусства сегодня может состояться лишь в театре. Если артист действительно является артистом, имеет, что сказать зрителю, и может это сделать. И если зритель, приходя в театр, хочет получить от артиста этот самый факт творчества. А насчет сериалов... У многих популярных актеров в глазах я сейчас вижу отчаяние: как заткнуть собой очередную дыру. Это же дыра! Я вот не понимаю: они издеваются над создателями, над заказчиками или над зрителями? Вот мы с вами сколько разговариваем? Два часа. Нормальный американский полный метр. Мы уже исчерпали все темы. Я не знаю: вам еще интересно разговаривать со мной или нет. Вы уже все для себя выяснили. Так ведь? По сути. А если все то же самое мы говорили бы в течение 10 часов, что вполне возможно, и при этом делали серьезный вид... Короче, этой тяготы можно было развести на трое суток. Потом разрезать по полчаса и кормить этим зрителя. Вот что я имею в виду. Приносит ли это радость? Как вы думаете?

Дмитрий МЕЛЬМАН.